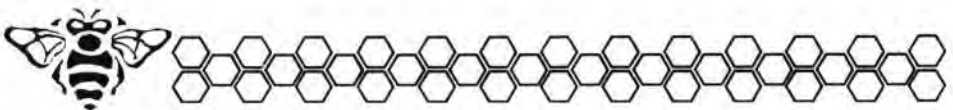

Е. Капустин

С. И. КАРЦЕВСКИЙ

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

СОСТАВЛЕНИЕ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ *И. И. ФУЖЕРОН*

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

ББК 81.031
К 21

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 99-04-16090

Карцевский С. И.

К 21 Из лингвистического наследия / Сост., вступ. ст. и коммент.
И. И. Фужерон. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 344 с.,
ил., вклейка после с. 192. – (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0167-6

В книге собраны работы одного из первых активных членов Пражского лингвистического кружка С. И. Карцевского. Целью издания является освещение научного творчества этого лингвиста, которому в наши дни несправедливо уделяется слишком мало внимания. Многие работы, публикуемые в сборнике, являются недоступными российским ученым.

Книга содержит: 1) работы по теории языка; 2) работы по русскому языку двадцатого столетия; 3) рецензии.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0167-6

9 785785 901674 >

© И. И. Фужерон. Составление, вступительная
статья и комментарии, 2000

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие (<i>И. И. Фужерон</i>)	7
От составителя	21

I. Работы по теории языка

О формально-грамматическом направлении	25
По поводу одного вопроса морфологии	46
К вопросу о залогах в современном русском литературном языке	53
О структуре русского существительного	59
Бессоюбие и подчинение в русском языке	71
Сравнение	86
Предисловие к книге «Русский язык. Часть I. Грамматика»	94
Повторительный курс русского языка	97
Предисловие	99
Глава I. Наша речь	105
Глава II. Строение фразы	118
Глава III. Строение слова	132
Глава IV. Существительные	149
Глава V. Глаголы	158
Глава VI. Прилагательные	174
Глава VII. Наречия	178
Глава VIII. Служебные слова	181
Глава IX. Звуковое строение речи	186
Глава X. Письмо и орфография	198

II. Работы по лексике русского языка первой четверти XX века

Русский язык и революция	207
Халтура	210
Язык, война и революция	215
Вступление	217
I. Старые и новые слова	219
II. 1905 год	229
III. 1914—1922 годы	237

IV. Сокращения	246
V. Словопроизводство	253
VI. «Язык революции и революция языка».	261
Послесловие.	265

III. Рецензии

«Винокур. Культура языка»	269
Родной язык и школа	272
«А. М. Пешковский. Сборник статей»	278
Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского	281
«А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка».	306
«Charles Bally. Le langage et la vie»	319

IV. Приложение

Материалы заседаний Московской диалектологической комиссии	
Тезисы доклада С. И. Карцевского	
на заседании 7 февраля 1918 г.	325
Протокол 106-го заседания в среду 7 февраля 1918 г.	
в канцелярии Исторического музея	331
Протокол 112-го заседания 17 мая 1918 г.	
в канцелярии Исторического Музея.	334
<i>Список работ С. И. Карцевского</i>	339

Предисловие

СЕРГЕЙ ИОСИФОВИЧ КАРЦЕВСКИЙ

В 1956 году в Женеве вышел 14-ый выпуск лингвистического журнала «Cahiers Ferdinand de Saussure», посвящённый памяти **Сергея Иосифовича Карцевского**, скончавшегося 7 ноября 1955 г.

Его лингвистическое наследие численно невелико — около шести-десяти статей и рецензий и только две законченные монографии: «Система русского глагола» (Прага, 1927) на французском языке и «Повторительный курс русского языка» (Москва, 1928) по-русски.

В наши дни это имя несправедливо предано забвению, а ведь Карцевский был одним из создателей и первых активных членов Пражского лингвистического кружка. В 1928 г. вместе с Р. Якобсоном и Н. Трубецким С. Карцевский подписывает «манифест», воспроизведённый в Актах I Международного конгресса лингвистов, излагающий важнейшие вопросы теории лингвистики. Этот манифест (подписанный тремя русскими эмигрантами!) явился основой всей лингвистической деятельности в первой половине XX века¹.

С. И. Карцевский родился 28 августа 1884 года в Тобольске. Получив в 1903 г. диплом учителя, он работает два года учителем начальной школы в Нахрачи (Тобольская губерния), а затем директором городской библиотеки в Нижнем Новгороде. Карцевский становится членом социал-революционной партии, и в 1906 г. в Москве его арестовывают за революционную деятельность. После года заключения Карцевскому удаётся бежать из тюрьмы, и он уезжает в Женеву², куда эмигрировало немало русских. В Женеве Карцевский поступает в университет и становится учеником Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сэшеэ.

¹ Об этом подробнее см. *J. Fontaine. Le Cercle linguistique de Prague. Repère. Mame, Paris, 1974.*

² Мы приводим биографические данные Карцевского по биографической справке Стеллинг-Мишо, опубликованной в 14-м выпуске «Cahiers Ferdinand de Saussure». Genève, 1956.

В 1910—1911 гг. Карцевский пробует себя на литературном поприще, публикуя два рассказа в петербургских журналах³.

В марте 1917 г. Карцевский возвращается в Россию. С этого момента, можно считать, начинается его активная лингвистическая деятельность. В феврале и в мае 1918 г. на заседаниях Московского лингвистического кружка при Московской диалектологической комиссии Академии наук С. И. Карцевский делает доклад, который, как сказано в протоколе заседания, «представлял из себя резюме некоторых глав работы докладчика, написанной на французском языке и озаглавленной „Système du verbe russe“»⁴. В обсуждении принимают участие крупнейшие русские языковеды: Ушаков, Дурново, Пешковский, А. Буслаев и др. Д. Ушаков высоко оценил этот «опыт истинно лингвистического изучения морфологии русского языка». Он отметил, что в области морфологии исследование С. И. Карцевского если не первый, то один из первых опытов *статического* изучения (изучения одного этапа в жизни русского языка). Карцевский, отвечая в процессе обсуждения на замечания, определял трудность статического (синхронного) изучения тем, что «оно предполагает в изучающем знание и истории, чтобы не отклониться в историческое изучение вопроса»⁵. Доклад и обсуждение его — один из этапов работы Карцевского над докторской диссертацией, которую он будет защищать в Женеве, так как в 1920 г. Карцевский навсегда покидает Россию.

Представляется возможным разделить деятельность Карцевского-лингвиста за рубежом на два этапа.

Первый заканчивается в конце 20-х годов выходом его книги «Повторительный курс русского языка» (1928 г.). В этот период, продолжая научные исследования, в частности работу над диссертацией под руководством Антуана Мейе, Карцевский ведёт большую педагогическую и редакторскую деятельность. С 1920 г. он преподаёт русский язык в университете Страсбурга.

³ М. Горький предлагает Карцевскому участвовать в журнале «Сборник товарищества „Знание“», где в 1910 г. Карцевский публикует рассказ «Ямкарка»; в 1911 г. в №11 журнала «Новое слово» (приложение газеты «Биржевые ведомости») напечатан рассказ Карцевского «Колька», за который он получает премию журнала.

⁴ См. Приложение, с. 325.

⁵ Цитируется по протоколу заседания Московской диалектологической комиссии (Архив Института русского языка, фонд №20), Приложение, с. 332.

В 1921—1922 гг. Карцевский публикует в русской парижской прессе две статьи об изменении лексики русского языка под влиянием социально-политических событий начала века. Первая из них — «Русский язык и революция»⁶. Это отзыв на работу французского слависта Андре Мазона «*Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918)*» [«Лексика войны и эпохи революции в России»], отзыв, который сочетается с личными наблюдениями автора статьи над русской лексикой. Идеи этой статьи получили своё развитие в работе «Язык, война и революция», вышедшей в Берлине в 1922 г. и затем, в переработанном варианте, отдельной брошюрой в 1923 г. Подробно разбирая процессы, происходящие в русской лексике в первой четверти XX века, Карцевский приходит к выводу, что если революция повлияла на язык, то всё-таки не приходится говорить о революции в нем, потому что «все процессы, наблюдаемые в русском языке, являются нормальными языковыми процессами, но с ускоренным темпом»⁷.

Во второй статье, озаглавленной «Халтура»⁸, Карцевский с болью и сарказмом говорит о том, как язык отреагировал на «переосмысление», «переоценку», которым подверглись во всей России понятия *труда, работы*, как язык заклеил «развенчанный, опозоренный, ошельмованный труд» словом *халтура*.

В 1923 г. Карцевский переезжает в Прагу, где, педагог по призванию, он создаёт и редактирует журнал «Русская школа за рубежом». Журнал просуществовал шесть лет и пользовался успехом в русских школах за границей. Наряду с обсуждением школьных программ и учебников, Карцевский публикует здесь ряд своих статей на русском языке, как методологического, так и лингвистического плана: «Родной язык и школа», «Новая орфография» (1923 г.); «О формально-грамматическом направлении» (1925 г.). В последней статье Карцевский предупреждает об опасности догматического подхода к формально-грамматическому направлению в преподавании русского языка. Нельзя расправляться с живым языком, загоняя его в узкие рамки формы. Карцевский ставит в упрек сторонникам формально-грамматического направления использование терминов без уточнения их значения, не оговаривая, в каких отношениях обозначаемые явления находятся друг с другом. Противопоставляя формалистам свой взгляд на вещи,

⁶ «Общее дело», № 208 от 8/II 1921, Париж.

⁷ С. И. Карцевский. Язык, война и революция. С. 264.

⁸ «Последние новости», № 553, от 3/II 1922, Париж.

Карцевский определяет *слово* «как потенциальный член фразы, как бы часть, выпавшую из фразового механизма»⁹. В этой статье Карцевский впервые излагает мысли, которые нашли свое развитие в других работах, в частности в изданной на русском языке в том же году в Праге «Грамматике». В предисловии Карцевский ещё раз подчеркивает, что он не сторонник формально-грамматического направления, что он идёт по пути Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сэшеэ и А. А. Шахматова¹⁰. Он повторяет, что трудность, по словам автора, состоит в том, чтобы осветить лингвистические проблемы с точки зрения статической (синхронии), стараясь не отклоняться в историю языка для объяснения фактов современного его состояния. В русском языкознании в этом направлении предшественников у автора не было, а труды представителей женеvской лингвистической школы, которая закладывала основы этого метода, ещё не были известны в России.

«Грамматика» легла в основу «Повторительного курса русского языка», вышедшего в Москве в 1928 г. В предисловии к этой работе Пешковский отмечает «глубокую продуманность содержания, доведенную до изящества строгость и цельность проводимой системы». По словам Карцевского, это элементарное введение в науку о языке. Цель автора показать, что язык есть «социальное установление»¹¹, и продемонстрировать его «логико-психологический механизм»¹². Проблемы общего языкознания автор сочетает с изложением системы русского языка. Карцевский критикует сторонников формально-грамматического направления за то, что они начинают изложение грамматики с представления фонетической системы языка. Он строит свой курс совсем иначе. После изложения общелингвистических вопросов Карцевский переходит к построению фразы и относит вопросы фонетики в самый конец курса, считая, что «звуковая различительная единица — фонема — является дифференциальным знаком последней степени. (...) Он вводит из языка в физиологию звуков и акустику»¹³. Карцевский как бы отмежевывается от Н. С. Трубецкого и Р. И. Якобсона, оставляя им фонологию и фонетику и концентрируя своё внимание на морфоло-

⁹ С. И. Карцевский. О формально-грамматическом направлении. См. с. 30.

¹⁰ В 1927 году в журнале «Slavia» Карцевский печатает положительную рецензию на «Синтаксис современного русского языка» А. А. Шахматова.

¹¹ С. И. Карцевский. Повторительный курс русского языка. С. 101.

¹² Там же. С. 103.

¹³ Там же.

гии. В статье «По поводу одного вопроса морфологии» Карцевский пишет: «Князь Н. С. Трубецкой и Р. И. Якобсон показали крайнюю сложность понятия *фонемы* как переплетения отношений, регулирующих „жизнь“ звуковой стороны языка. Но насколько же сложнее понятие *морфемы*, если рассматривать его в динамике»¹⁴. Краеугольным камнем лингвистики Карцевский считает *фразу*. С понятием фразы и её функционированием неразрывно связана *интонация*. Карцевский считает бесспорной заслугой Пешковского его наблюдения над интонацией фразы и её частей. Он постоянно уделяет большое внимание интонации. И даже если с точки зрения сегодняшних достижений в области исследований ударения, интонации и акцентуации фразы замечания Карцевского не всегда соответствуют истине (например, его замечания о том, что русское словесное ударение выражается интенсивностью или что фразовое ударение произносится с наибольшей силой¹⁵), его безусловной заслугой является сама постановка этих вопросов и попытка их разрешения.

Разделяя речь на практическую и теоретическую, Карцевский отмечает их формальные отличия: первая, как правило, имеет форму диалога и использует неполные фразы, вторая пользуется средствами «языка интеллектуального» и состоит из полных фраз, ясных, правильно построенных, бесстрастно излагающих ход мысли.

Важное место в лингвистической теории Карцевского занимает понятие синтагмы и синтагматических отношений. В учении о синтагме Карцевский исходит из её понимания женевской школой (Ф. де Соссюр, Ш. Балли). Это всякое парное сочетание, члены которого относятся друг к другу как определяемое (Т) и определяющее (Т'). Это понимание позволяет Карцевскому рассматривать производные и сложные слова как *внутренние синтагмы* (дом-ик: Т-Т'), считая *внешними синтагмами* сочетания, где отношения между определяемым и определяющим выражены целыми словами, а не их частями (маленький [Т'] дом [Т]). Синтагмы становятся предикативными, когда отношения между словами определяются присутствием говорящего лица. Особенность предикативной синтагмы в том, что она выражает законченную мысль и готова «в любой момент играть роль фразы»¹⁶. Идя дальше своих учителей, Карцевский определяет подлежащее как «Т абсолют-

¹⁴ С. И. Карцевский. По поводу одного вопроса морфологии. С. 52.

¹⁵ С. И. Карцевский. Повторительный курс русского языка. С. 106.

¹⁶ С. И. Карцевский. О формально-грамматическом направлении. С. 32.

ное»; это слово, которое не может служить определяющим (Г') ни одному из слов предложения.

В главе «Строение слова» появляется термин *«скрытая синтагма»*, связанный со сдвигом формальных и семантических значений слов и их переносным употреблением. Формальный сдвиг может быть проиллюстрирован субстантивацией прилагательного (например, поговорка «сытый голодного не разумеет»); примером семантической транспозиции могут служить смысловые различия слова *стакан* в предложениях «Дай мне стакан чая» и «Я разбила стакан». От этого явления Карцевский переходит к *лексикализации*, когда слово и даже целое выражение теряет свою синтагматическую структуру, а затем и морфологическую. Такой процесс затрагивает как внутреннюю синтагму (*отпахало, отнять*), где выделение морфем становится затруднительным), так и внешнюю синтагму (*шут гороховый, гусь лапчатый*, где прилагательное нельзя ни отнять, ни заменить другим: оба слова представляют единый смысл).

К несинтагматическим Карцевский относит отношения между частями фразы, определяя их как равноценные (сочинение), неравноценные (подчинение) и разнородные (органически с фразой не связанные — вводные).

Различия в формальных значениях слов на более низком по отношению к фразе уровне лежат в основе деления на части речи, среди которых выделяются главные (существительное и глагол) и второстепенные (прилагательное, наречие).

В этой работе обращает на себя внимание и тот факт, что наряду с литературными примерами Карцевский приводит богатейший материал, взятый из живой разговорной речи. Сегодня ряд его примеров позволяет нам судить об изменениях, которые произошли в русском языке с тех пор. «Повторительный курс русского языка» заканчивает первый период деятельности учёного.

С конца 20-х годов намечается ряд тем, которые до последних дней жизни будут в центре исследований Карцевского. Следует заметить, что его творческая мысль развивается по спирали: каждая последующая работа является развитием и углублением мыслей, идей, высказанных в предыдущей. Второй период знаменуется работами исключительно на французском языке.

В мае 1927 г. в Праге отдельной книгой выходит «Система русского глагола. Опыт синхронной лингвистики», работа, которую Карцевский защищает как докторскую диссертацию при Женевском университете. «Эта работа,— пишет Карцевский во введении,— шестилетней

давности. (...) Шесть лет назад автор был ведом неясной интуицией, двигался на ощупь (...) в своих исследованиях. Теперь прежние предположения перешли в уверенность, и то, что было лишь неуловимой интуицией, начинает уточняться, и уже возможно хотя бы в общих чертах сформулировать это в терминах логического функционирования»¹⁷. Во вступительной главе автор даёт общее представление своего взгляда на язык как на семиологическую систему. Карцевский считает необходимым предварить изучение глагола вступлением, излагающим некоторые общие положения о речи. Он стремится выявить из общей, на первый взгляд неясной массы конкретных фактов свой взгляд на теорию речи (*théorie du langage*) «как она представляется ему в ракурсе его родного языка»¹⁸. Это вступление Карцевский считает необходимым, т. к. «в системе всё взаимосвязано, и невозможно хорошо понять глагол, не имея в то же время достаточно ясного представления о том ансамбле, который его окружает и в котором он сам является лишь одним из функциональных элементов»¹⁹.

Работа о русском глаголе написана в традициях женеvской лингвистической школы. И как всегда у Карцевского, изучение вопросов его родного языка является вместе с тем изучением проблем общего языкознания.

Карцевский первый рассматривает глагол как систему в синхронии. Он, вслед за Н. Дурново, критикует классификацию глагола Leskin-Boyer, где смешиваются элементы синхронии и диахронии. Твёрдо оставаясь на позициях статического анализа, Карцевский выдвигает новый принцип классификации глагола, основанный на критерии *продуктивности*. На основе форм инфинитива и 3-го лица мн. ч. Карцевский выделяет 5 продуктивных классов, расположенных по восходящей степени сложности и продуктивности²⁰.

Изучение внутренней и внешней синтагматики глагола занимает в исследовании важное место. Разбирая классификацию глагола, Карцевский приходит к выводу, что между продуктивными и непродуктивными классами не существует непреодолимой пропасти, т. к. энергия продуктивности неодинакова у всех формант и язык в целом представляет собой систему центров семиологического излучения.

¹⁷ S. Karcevski. «Le système du verbe russe. Avant-propos» [Система русского глагола. Прага, 1927. Предисловие] (Париж, 1999. С. 21—46).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Подробнее см. Приложение: Заседание 7 февраля 1918. С. 326.

Предвосхищая многих ученых (в частности, Ch. Corbet — 1957, Ch.-J. Veugens — 1980), Карцевский вносит несомненно новое в изучение синтаксической роли глагольного префикса.

Карцевский первый в 1927 году (а если учесть, что он считает работу шестилетней давности, то уже в 1921 году!) связывает префиксацию с переходностью: «Теоретически, любой непроизводный глагол (*verbe fondamental*) становится переходным с прибавлением приставки»²¹. Так, непереходный глагол *верить* путём префиксации даёт переходные *уверить*, *проверить*, *заверить*, *доверить*, *сверить*.

Карцевский развивает идею «синтагматической формулы» приставочного глагола; так, глагол *проиграть* он толкует как 'потерять, лишиться (определяемое T) путём игры' (определяющее T'). Таким образом значение непроизводного глагола (*играть*) выступает не в качестве самого действия, а в качестве способа, образа действия.

Безусловно новаторским явилось введение понятия «производной цепи»: «Видовое значение глагола зависит от места, которое он занимает в отглагольной производной цепи. (...) Эта цепь представляется следующим образом: *играть* /нсв/ > *выиграть* /св/ > *выигр-ывать* /нсв/ > *на-выигрывать* /св/»²². Эта цепь вытекает непосредственно из понятия системы, т. к. именно место, занимаемое в цепи, сообщает производному глаголу его видовое значение. В отношениях непосредственной производности могут быть только звенья, находящиеся в непосредственном соседстве. Так, глагол несовершенного вида *прикасаться* нельзя считать непосредственно образованным путём префиксации от *касаться*, поскольку тогда он должен был бы быть совершенного вида. В словообразовательной цепи эти два глагола не являются соседствующими звеньями: *касаться* > *коснуться* > *прикоснуться* > *прикасаться*; они находятся на разных концах цепи.

«Le système du verbe russe» представляется как новаторский труд. Можно только сожалеть, что он до сих пор ни разу не был ни переиздан, ни переведен. Чтобы хоть как-то восполнить этот пробел, мы публикуем на этих страницах две работы, до сих пор не издававшиеся в России.

В архиве С. Карцевского, который семья учёного передала в 1957 году в Институт русского языка Академии наук СССР (фонд № 16), находится небольшая работа, по всей вероятности незаконченная, единст-

²¹ S. Karceuski. Le système du verbe russe. P. 87.

²² Там же. С. 93.

венная в архиве написанная по-русски (весь остальной архив на французском языке). Эта работа о залоге русского глагола. Она не датирована, но по одной из сносок²³ можно предположить, что работа относится к 1926—27 гг. Однако если учесть, что статья написана по-русски и что сам Карцевский в 1927 г. пишет о том, что его книга «Система русского глагола» шестилетней давности, следует, может быть, отнести статью «К вопросу о залогах в современном русском литературном языке»²⁴ к самому началу 20-х годов. Считая, что взгляды Карцевского в этой области представляют безусловный интерес, мы предлагаем на этих страницах её первую публикацию.

К вопросу о глаголе Карцевский вернётся и в начале тридцатых годов в статье «По поводу одного вопроса морфологии» («A propos d'un problème de morphologie»), где он разрабатывает и углубляет понятие продуктивности и непродуктивности. Мы предлагаем читателю перевод этой статьи, который, насколько нам известно, является её первой публикацией в России.

В 1929 году в первом номере «Travaux du cercle linguistique de Prague» (*TCLP*) [«Труды Пражского лингвистического кружка»] выходит статья Карцевского «Du dualisme asymétrique du signe linguistique» («Об асимметрической двойственности лингвистического знака»). Идея о двойственности лингвистического знака проходит через все работы второго периода. В этой статье ставится под вопрос статус, сущность языкового знака. Язык — это семиологический механизм, который колеблется между общим и частным, между абстрактным и конкретным. Ни один лингвистический знак не может быть определён только противопоставлением. Он требует установления одновременно сходства и различия. Основная идея Карцевского в том, что любой лингвистический знак имеет потенциальную возможность быть синонимичным и омонимичным. Он образуется на пересечении двух соотносительных координат, которыми являются синонимия и омонимия. Передвижение знака по синонимической или по омонимической прямой может быть если не предсказано, то по крайней мере зафиксировано. Однако в силу семантических сдвигов невозможно с точностью предвидеть, куда направится знак. Определяющее (звуковая форма) и определяемое (функция) постоянно скользят по «наклонной реальности». Каждый выходит за отведённые ему границы: определяющее ищет других

²³ См. с. 57, сн. 8.

²⁴ ИРЯ. РАН, ф. № 16, папка 01, подшивка 14, л. 113—115. См. с. 53.